

Глава 15. Дорогое пальто

—

«Вот как».

Доктор У не выказала особого удивления этому ответу, лишь кивнула, и тон ее внезапно изменился: «Тогда мне нужно поговорить о вас. Почему вы не сопровождали его во время предыдущих сеансов реабилитации? Как член семьи, вы не считаете, что это было немного безответственно?»

Си Сяньцин, которого ругали без причины: «...»

Чжу Мин чуть не расхохотался.

Си Сяньцина действительно не следует винить в этом. Чжу Мин поднял руку, схватил его за рукав и нежно встряхнул, словно пытаясь успокоить: «Он был занят работой. Хорошо, доктор У, раз уж кто-то принял решение за меня, я послушаю вас и попробую в последний раз».

Доктор У, зная характер Чжу Мина, удивилась его доверию к Си Сяньцину: «Хорошо, тогда я сначала попрошу приготовить для тебя лекарство».

«Одна капельница тоже займет немало времени, тебе вовсе не обязательно здесь со мной сидеть».

После ухода доктора У Чжу Мин все еще предпринимал последние усилия, пытаясь отослать Си Сяньцина: «Я обещал тебе, что буду послушно капать лекарство и не сбегу».

Си Сяньцин не поверил ни одному его слову: «Не будет иметь значения, если я подожду еще немного».

«Побочные эффекты не так просты», - Чжу Мин все еще пытался его напугать, - «У меня может появиться сыпь по всему телу, и меня может вырвать на твое дорожное пальто. Тебе еще не поздно уйти».

Си Сяньцин с невозмутимым видом уставился на него.

Чжу Мин задумался на некоторое время и почувствовал, что его слова немного отвратительны. Он лёг на больничную койку, чувствуя скуку.

Через некоторое время вошла молоденькая медсестра с тележкой и бутылкой с инфузионной

жидкостью и поставила ему капельницу.

Он начал кричать и шуметь, едва сделав несколько шагов, но когда острая игла пронзила его кожу, Чжу Мин сохранил спокойствие и ничего не сказал. И дело было не в чем-то другом, а в том, что год назад он уже относился к больнице как к своему дому и привык к ней.

Холодный лекарственный раствор медленно струился по венам в тело, Чжу Мин почувствовал озноб и, съежившись, усталился на капельницу, как вдруг почувствовал тепло на себе...

Он посмотрел вниз: «Это...?»

Си Сяньцин стоял к нему спиной и закрывал окно, его лица не было видно.

«Дорогое пальто», – его тон был ровным, – «Будь осторожен, когда будешь блевать».

Уголок рта Чжу Мина дрогнул. Ему действительно было холодно, и он не стал отказываться, а просто уткнулся лицом в воротник пальто.

Рвоты, как он и ожидал, не было, да и побочные эффекты обычно не проявляются так быстро. Просто из-за действия лекарства и усталости после реабилитации сонливость окутала тело Чжу Мина, и его веки непроизвольно стали тяжелыми.

Но подсознательно он все же не хотел, чтобы Си Сяньцин видел его в таком болезненном состоянии, поэтому, собравшись с духом, сказал: «Давно не видел 'Средство для мытья посуды'».

Си Сяньцин понял намек и поднял глаза: «Это общественное место».

Чжу Мин уверенно сказал: «Но дверь палаты закрыта, и, исходя из ответственности врача, мне нужно регулярно и внимательно его осматривать».

«...Я же вчера присылал тебе фотографии».

«Увидеть своими глазами и увидеть в виде изображения – это одно и то же?»

Си Сяньцин сидел у кровати и долго молчал, явно не желая с ним разговаривать.

Но в следующее мгновение у кровати медленно собрались яркие нейройные частицы, означая, что он все-таки сдался.

Чжу Мин подпер голову рукой без капельницы, лениво откинулся на спинку кровати и с

улыбкой поприветствовал большого павлина: «Привет, давненько не виделись, 'Средство для мытья посуды'».

Зеленый павлин уставился на него своими маленькими глазками, по-прежнему сохраняя элегантную позу с высоко поднятой головой.

Он протянул руку, пытаясь ткнуть пальцем в перья на шее, но кончики его пальцев прошли сквозь пустоту нейронов, не встретив сопротивления.

Чжу Мин с сожалением сказал: «Знал бы, что сегодня увижусь с ним, принес бы и сенсорные перчатки, все-таки только прикосновение дает настоящее ощущение».

Си Сяньцин, наблюдая за его беспокойными руками, спустя мгновение отвел взгляд: «У тебя капельница, меньше дергайся».

Чжу Мин убрал руки, но сам остался лежать у изголовья кровати и тихонько шептал павлину: «Хм, перья выглядят очень хорошо, через пару дней, когда мое лекарство будет готово, ты уж постарайся...»

Пока здесь происходило оживленное общение, Си Сяньцин молчал, некоторое время наблюдая за равномерно капающим в трубке лекарством.

Немного погодя он все же не удержался и спросил: «Что случилось с твоими ногами? Как произошел несчастный случай?»

Человек, который только что без умолку болтал, сейчас тихо молчал.

Си Сяньцин повернул голову и увидел, что Чжу Мин свернулся калачиком у изголовья кровати, его веки были закрыты, ресницы послушно опустились и равномерно вздрагивали в такт дыханию.

Он уснул – одна рука все еще сжимала воротник пальто Си Сяньцина, а другая свисала с края больничной койки, сохраняя позу, в которой он взаимодействовал с большим павлином. Кончик указательного пальца находился у края хвостовых перьев павлина, едва не касаясь их.

Си Сяньцин никогда не показывал свою духовную форму в общественных местах, даже в своем частном доме в шестом округе он выпускал ее крайне редко.

Хотя невозможность распустить хвост не была проблемой, которую можно было заметить с первого взгляда, в доме были слуги и телохранители, и было много лишних глаз. Он не хотел рисковать даже малейшей возможностью.

Дверь палаты была лишь слегка прикрыта, и в следующее мгновение кто-то мог войти снаружи.

Си Сяньцин отвел взгляд от спящего на кровати человека.

В конце концов он так и не убрал большого павлина у своих ног.

Чжу Мин редко спал так спокойно.

Ему не снились фрагменты, связанные с аварией, не было невралгических болей в конечностях, он не просыпался в холодном поту. Он комфортно открыл глаза и почувствовал, что его тело никогда не было таким легким.

Однако в следующее мгновение после пробуждения он повернул голову, увидел ярко освещенное небо за окном и задумался.

Чжу Мин: «...А?»

Первой реакцией было подумать, что успокоительный компонент лекарства, должно быть, был слишком сильным, раз он проспал всю ночь до следующего дня. Как же оно прошло клинические испытания? Нужно обязательно сообщить об этом доктору У.

Но, внимательно осмотрев комнату, в которой он находился, он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Во-первых, это был не его дом.

Потому что его комната никак не могла быть такой... роскошной – свежие цветы в дорогой фарфоровой вазе на тумбочке, картина маслом в массивной классической раме с резьбой ручной работы, не говоря уже о большом шерстяном ковре с бахромой по краям, о который с большой вероятностью зацепится колесо его инвалидной коляски.

Все это совершенно не могло появиться в его повседневной жизни.

Чжу Мин немного подумал и снова повернул голову к окну.

Листья за окном были круглыми и плоскими, с бледно-желтыми, полными и пышными цветами. Чжу Мин помнил, что эти цветы называются «склоненные луной» и относятся к семейству кутровых.

Раньше Чжу Мин видел выращенные в теплице цветы «склоненные луной» только в

экологическом музее седьмого округа. Не только потому, что они были чрезвычайно дорогими, но и потому, что это нежное и красивое тропическое растение растет только в районах с обильными осадками и не могло выжить в заснеженном седьмом округе.

Исходя из этого, он сейчас, вероятно, находился в дождливом западном регионе.

Например... в шестом округе.

Единственная связь между ним и шестым округом заключалась в одном человеке. Чжу Мин глубоко вздохнул и, осторожно, позвал в сторону двери: «Си Сяньцин?»

Ответа не последовало.

К счастью, его инвалидная коляска стояла рядом с кроватью. Чжу Мин с трудом поднялся и, опираясь на руки, перебрался в инвалидную коляску, осторожно объезжая бахрому ковра, выехал из комнаты.

В коридоре было пусто, мраморный пол блестел и выглядел роскошно. Вилла семьи Чжу Инъин в седьмом округе уже считалась очень роскошной, но этот дом, как по площади, так и по убранству, был настолько экстравагантным, что Чжу Мин заподозрил, что он передвигается по дворцу.

Как раз когда он подумал, что окончательно заблудится здесь, он наконец встретил живого человека.

Точнее, женщину с нежной внешностью и спокойным характером.

Она была одета в длинное платье из бледно-фиолетового газа, ее волосы были небрежно собраны, она сидела босиком на подоконнике, держа в руке карандаш и что-то рисовала в альбоме, опустив голову.

Чжу Мин заметил, что на запястье женщины был надет браслет из жемчуга, внизу которого висел красиво ограненный бледно-розовый камень, который на вид стоил целое состояние.

Блеск камня был мягким и прозрачным, очень подходил к ее характеру.

Обычный человек, носящий такой дорогой браслет, вероятно, дышал бы еле слышно, но женщина просто небрежно рисовала углем на бумаге, совершенно не обращая внимания на то, как этот драгоценный камень трется о грубую бумагу.

Только проснувшись, Чжу Мин почувствовал, что сейчас, вероятно, находится в доме Си Сяньцина, но, глядя на женщину перед собой, он все время думал, что ее манеры больше

похожи на манеры хозяйки этого роскошного дома.

Мозг после пробуждения был очень затуманен, Чжу Мин немного не мог сообразить и с легким сомнением спросил: «Здравствуйте, скажите, пожалуйста, вы знаете Си Сяньцина?»

Словно что-то почувствовав, женщина повернула голову и растерянно посмотрела в его сторону.

Затем Чжу Мин увидел, как она, словно немного обрадовавшись, широко открыла глаза.

Чжу Мин почувствовал что-то неладное, но не мог понять, что именно.

Женщина нежно и застенчиво улыбнулась, подняла руку, убрала прядь волос за ухо и с некоторой неловкостью покачала головой Чжу Мину.

Наконец она заговорила: «Я... не слышу, говорите медленнее...»

Хотя общий смысл слов был понятен, произношение было крайне нечетким.

Чжу Мин сразу все понял.

Она была слабослышащей.

И, судя по степени деградации речи, она, вероятно, потеряла слух до формирования языковой системы, то есть страдала от врожденной глухоты.

Сердце Чжу Мина слегка дрогнуло, он замедлил речь, стараясь, чтобы она могла хорошо видеть движения его губ: «Я спросил, знаете ли вы, где...»

Чжу Мин не договорил свою фразу, потому что его взгляд упал за спину женщины.

Он увидел ее духовную форму – павлина.

Но это был не тот знакомый высокомерный зеленый павлин, а самка белого павлина с более короткими и округлыми перьями и более мягким и дружелюбным характером.

У белого павлина тоже были круглые бусинки-глаза, и на голове тоже был элегантный веерообразный гребень, но не было драгоценных длинных хвостовых перьев зеленого павлина, его поза была более легкой, а в выражении лица было больше живости и подвижности.

Затуманенный на полдня мозг Чжу Мина мгновенно прояснился, и он широко открыл глаза: «Неужели ты...»

В этот момент издалека по коридору слышались шаги, Чжу Мин вздрогнул и невольно посмотрел в сторону звука.

Хотя женщина не слышала, она заметила изменение в выражении лица Чжу Мина.

Она внезапно что-то поняла и, словно пойманный на месте преступления ребенок, сморщила нос, а затем жалобно повернулась.

«Си Муфэй, издательство говорит, что ты снова сорвала срок сдачи рукописи в этом месяце».

В конце коридора Си Сяньцин стоял неподвижно с невозмутимым выражением лица, поднял руку и на языке жестов с упреком спросил женщину: «Редактор только что звонил мне. Лучше бы ты сейчас же мне все объяснила».

—

<http://bllate.org/book/14498/1283122>